

УДК 811.111'367

ББК 81я2

Г. Г. ПОЧЕПЦОВ И УКРАИНСКАЯ ШКОЛА ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

ШЕВЧЕНКО И. С.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

В статье рассматриваются основные положения прагмалингвистической теории профессора Г.Г. Почепцова и определяется их потенциала для современных когнитивно-коммуникативных студий. Творческое наследие ученого в области синтаксиса, семантики, истории английского языка, дискурса, проксемики остается базой для современных исследований в прагматике, концептологии и дискурсологии в аспекте синхронии и диахронии.

Ключевые слова: синтаксис, семантика, прагматика, Г. Г. Почепцов, когнитивно-коммуникативные исследования

Shevchenko I. S. Georgy Pocheptsov and Ukrainian school of linguistic pragmatics. This article provides an outline of professor G. G. Pocheptsov's linguistic pragmatic theory and determines its potential for contemporary cognitive and communication studies. The researcher's theoretical heritage in the area of syntax, semantics, the history of the English language, discourse, proxemics is the basis for current research in pragmatics, conceptology and discourse analysis in synchronic and diachronic aspects.

Keywords: syntax, semantics, pragmatics, G. G. Pocheptsov, cognitive-communication research

Г. Г. Почепцов – общепризнанный основатель украинской школы прагматики, который еще в 70-е годы XX века начал изучение проблем прагмалингвистики в славянском мире вместе с И. П. Сусовым и Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянковым (соответственно, Тверская и Московская школы прагматики). В современной лингвистической науке с ее доминирующей когнитивно-дискурсивной парадигмой, актуальность обращения к истокам прагмалингвистики трудно переоценить. Соответственно, цель данной статьи – обобщение основных положений лингвопрагматической теории профессора Г. Г. Почепцова и определение их потенциала для современных когнитивно-коммуникативных студий. В статье решаются непосредственные задачи – выявление предпосылок современного когнитивно-дискурсивного вектора исследований,

содержащихся в творческом наследии ученого в области синтаксиса, семантики, прагматики, истории английского языка.

Г. Г. Почепцов получил базовое филологическое образование в Харьковском государственном университете (ныне национальный университет имени В. Н. Каразина), который славится своими традициями антропоцентричной ориентации научных интересов со времен А. А. Потебни. Как известно, явления речевой деятельности не могут быть объяснены без обращения к системе языка. Логическая нить «от языка → к речи» четко прослеживается в научном пути профессора Почепцова; она отражена в мемориальном издании его трудов, объединившем наиболее важные публикации разных лет в нашей стране, в Европе и Америке [6]. Научный интерес Г. Г. Почепцова последовательно затрагивает синтагматические свойства слов, конститутивный анализ предложения, определение его семантических характеристик, прагматических типов, рассмотрение вопросов прагматики текста и дискурса.

Слово ученый рассматривает как элемент синтагматической цепи. В частности, он концентрируется на валентностных особенностях слов, что дает возможность систематизировать их на уровне классов, подклассов и разрядов. Особое внимание ученого привлекает слово в процессе порождения предложения как последовательного развертывания из исходного элемента на основе реализации валентностных потенциалов слова. При этом слова, помещенные в синтагматическую цепь, функционируют по-разному, они могут быть структурно обязательны или факультативны. На основе синтагматических параметров Г. Г. Почепцов предлагает уточненную классификацию глаголов современного английского языка, существительных, прилагательных и слов категории состояния [6, с. 12–100]. Сделанные выводы демонстрируют, что различные части речи при всей их разнородности имеют черты сходства в синтаксисе. Тем самым идеи Г. Г. Почепцова оказываются плодотворны для типологического изучения частей речи в пределах одного языка по ряду общих параметров; например, исследования глагола в зависимости от разряда (глаголы направленного / ненаправленного действия, прямо-переходные / предложно-переходные и т. п.).

В наибольшей степени Г. Г. Почепцова привлекали проблемы структуры и семантики предложения. С особой тщательностью он разрабатывает дефиницию предложения как центральной синтаксической единицы; предикативности как его важнейшего свойства; описывает структуру простого и сложного предложения [6, с. 304–390].

В области синтаксиса в центре внимания ученого – методы анализа структуры предложения и само ядерное предложение. Для описания синтаксической структуры предложения им используется конструктивный анализ, основанный на понятии ядерного предложения и генерализации признака конструктивной значимости элементов в предложении, т. е. их ролей в построении предложения. Соответственно, в предложении выделяются ядро и его распространение (обязательный и факультативный составы предложения). Это принципиально

новый подход, позволяющий преодолеть недостатки формально-логического членения предложения на главные и второстепенные члены.

На базе синтагматической классификации глаголов современного английского языка Г. Г. Почепцов выделил 39 типов ядерного предложения [6, с. 190–225], что стало значительным достижением отечественной англистики. В частности, в конструктивной модели предложения Г. Г. Почепцова трактовка пассивных предложений существенно отличается от известных вариантов трансформационно-порождающей модели, в которых пассивные предложения не имеют статуса ядерных и рассматриваются как трансформы активных предложений. Предложенный ученым подход позволил преодолеть и ряд других упрощений, присущих трансформационной грамматике, за счет учета наречной детерминации глагола и т.д. Изучая отношение ядерного и распространенного предложения, Г. Г. Почепцов детально описывает связанные с ними основные синтаксические процессы: расширение, спецификацию, аддицию, квазитрансформацию (пермутацию) и др. Используемые методы и полученные данные оказались плодотворными не только для простого, но и для сложного предложения [6, с. 226–302].

Особо важен вклад Г. Г. Почепцова в разработку синтаксической семантики. Уточнения, внесенные им в репертуар семантических ролей членов предложения и семантических конфигураций, размышления о спорных вопросах референции, пресуппозиции, фактивности и эмотивности, предложенная собственная трактовка импликации и инференции [6, с. 392–430] стали классикой в отечественной науке и отправной точкой для многих современных исследований в области когнитивистики и прагмалингвистики. Так, в отличие от известных систем репертуар семантических ролей членов предложения, предложенный Г. Г. Почепцовым, включает: агенс, пациенс, фактитив, инструмент, локатив, темпоратив, а также предусматривает возможность минимизации семантических ролей.

Что касается отечественной прагмалингвистики, она обязана профессору Г. Г. Почепцову не только своим возникновением, становлением, но и богатым наследием, что и сегодня обеспечивает ее развитие в соответствии с новыми направлениями науки XXI века. Многогранность наследия Г. Г. Почепцова в области прагматики трудно переоценить: это и первая общепризнанная и используемая сегодня типология речевых актов, предложенная еще в 1975 году, и разработка теории адресатности – типология адресатов, и прагматика текста и дискурса (работы разных лет: 1974; 1978; 1980; 1986б; 1991) [6, с. 545–550]. Фактически, каждая его работа открывает новые предметные области или предлагает новые векторы анализа прагматических явлений, которые подхватываются и развиваются учеными Украины, России и других стран.

Так, авторское толкование предложения-высказывания сквозь призму речевого акта (далее – РА) на несколько десятилетий определило понимание РА в отечественной науке. В отличие от прагматистов – американцев и европейцев, которые почти полностью сфокусировались на прагматическом смысле высказывания, основываясь на семасиологическом подходе,

Г. Г. Почепцов не отказывается от структуры и семантики предложения, отталкиваясь от них в определении иллокутивной силы РА. Такой в определенной степени онтологический подход дает интересный поворот идеям связи РА и предложения, позволяет трактовать прагматику как результат прагматической транспозиции предложений [6, с. 436–450].

Ученый предлагает четкую классификацию РА по иллокутивному критерию, впервые доказывает существование не только таких типов РА, как констатив, квеситив, директив, экспрессив, комиссив, но и подтипов РА (реквестива / иньюнктива в пределах директивов, промисива / менасива в составе комиссивов). Разделяя директивы и квеситивы, он тем самым дает однозначный ответ на дискуссию в англоязычной прагматике, склонной к их объединению на базе общей интенции побуждения, и показывает, что в первом случае – это побуждение к физическому действию, во втором – говорению, к предоставлению существенно важной информации, заполнению информационной лакуны адресата.

В своей классификации Г. Г. Почепцов предусматривает в качестве основания деления и способ производства РА, тем самым выделяя акты – перформативы. Логическим продолжением идей ученого стала трактовка иллокутивной силы как многомерного явления и выделение первичной и вторичной иллокуции, дальнейшее развитие принципов перформативности в трудах О.Г. Почепцова [7].

Профессор Почепцов впервые в науке выделяет РА фатический метакоммуникатив. Проблематика фатической метакоммуникации, которая становится одной из наиболее актуальных в наше время (т. н. «контактная» функция речи, названная В.В. Дементьевым «косвенная коммуникация» [5]), впервые разрабатывается в нашей стране именно Г. Г. Почепцовым [6, с. 468–477]. Его программная статья 1981 года с соответствующим названием является манифестом для многих исследователей фатической метакоммуникации [10; 11 и др.], цель которой определена им как включение / переключение внимания адресата на сообщение, поддержание внимания адресата и размыкание речевого контакта. *Мета-* в обозначении метакоммуникации понимается Г. Г. Почепцовым как «коммуникация, сопутствующая коммуникации» [6, с. 468]. Тем самым фатическая метакоммуникация служит средством регулирования процесса речевого общения. Выделяя три разновидности РА фатической метакоммуникации (акты установления, продления, размыкания речевого контакта) в соответствии с тремя этапами развертывания коммуникативного события, Г. Г. Почепцов тщательно рассматривает языковые и просодические средства их реализации, выделяет и описывает индикаторы этого типа РА на уровне слова (междометия, приветствия, апеллятивы), интонации, предложения (например, т.н. формульные предложения – клише), учитывая фактор адресата, его социо-, психо- и физиологические особенности.

В отечественной науке профессор Почепцов фактически заново открыл проблему адресованности РА для научных изысканий: ему как великому гуманисту уже в то время были особенно близки вопросы роли человека в коммуникации, и шире – развития принципов

антропоцентрического языкознания. С позиций прагмалингвистики Г. Г. Почепцов по-новому осветил роли коммуникантов в ситуациях диалогического общения с одним говорящим и несколькими слушателями, которые по-разному «включены» в процесс вербальной коммуникации [6, с. 449–468]. Рассматривая ситуации полиадресатности РА, ученый наряду с прямым адресатом вводит понятие квазиадресата, адресата-ретранслятора, косвенного адресата. Тем самым взамен традиционной модели коммуникативного акта в составе двух компонентов – говорящего (адресанта) и адресата – Г.Г. Почепцов вводит трехкомпонентную модель: адресант, адресат и слушающий (далее – С). Схематизировано эта модель подается им в виде «дереьев» условий коммуникативного акта и признаков, характеризующих речевое поведение адресанта и адресата в присутствии слушающего: коммуниканты знают / не знают о присутствии С; учитывают / игнорируют присутствие С; при этом слушающий может быть санкционированный / несанкционированный; если санкционированный – то свидетель или косвенный адресат [6, с. 467] и т.д. Сегодня эта сложная модель адресатности стала неотъемлемой и общепризнанной основой в новых дискурсивных студиях.

Актуальными оказались намеченные Г. Г. Почепцовым перспективы развития прагматики, которая получила сегодня когнитивный вектор исследований и распространилась на область дискурса. Первое явно прослеживается в учении о семантических ролях компонентов предложения, оно стало изюминкой коммуникативного синтаксиса, как его видел Г.Г. Почепцов. Теоретический задел в области семантических ролей и конфигураций предложения, минимизации семантических ролей [6, с. 392–410] как нельзя лучше отвечает требованиям современной когнитивистики, а именно фреймовой семантики, и лежит основе схемного представления предложения.

Второй, дискурсивный вектор, непосредственно вытекает из трудов Г.Г. Почепцова по теории текста и дискурса. Будучи всю жизнь «рыцарем предложения» в его семантическом и синтаксическом измерениях, он обращается к дискурсу как сфере функционирования предложения-высказывания. Согласно господствующим в 1970-е годы толкованиям феномена дискурса, Г. Г. Почепцов освещает семантические и синтаксические связи предложений, формирующие связную речь – дискурс, который определяется им как взаимная зависимость предложений в тексте, как связная речь – результат наличия межпредложенческих связей [6, с. 482–493]. С такой точки зрения анализу подвергнут важный пласт англоязычного общения – юмор в его малых формах. Ученый фокусируется на взаимодействии коммуникантов, в частности, «игре» между автором речи и ее получателем, которая ведется по определенным правилам, согласно негласному договору. Отмечается, что степень прогнозируемости речевого произведения прямо пропорциональна канонизированности текста, поэтому при его восприятии всегда имеет место антиципация применительно к макроконтексту. Очевидно, такая трактовка текста и дискурса не противоречит его новейшим толкованиям как когнитивно-коммуникативного

феномена, підкреслюючи важливість комплексного підходу к мови і динамічний характер дискурсу.

Наконець, твори Г. Г. Почепцова відкривають перспективи багатьох досліджень ХХІ століття. Тонкий знавець історії германських мов, їх синтаксису і семантики [6, с. 522–539], він не міг не зародити в своїх учнів і послідовників інтересу к історическим дослідженням, в частині, на матеріалі готської мови [4]. Він стояв у істочках діахронічного вивчення еволюції гіпотаксису в в давньанглійській і германських мовах, яке продовжилось уже в нових ракурсах [3]; історического варіювання прагматики англійської речення [11]. Останнє, не без участі українських, в частині, Харківських дослідників, виразилось в становленні нового визнаного в світовій науці напрямку історическої прагматики [там же], в чім видіється неопосередковане продовження робіт Г. Г. Почепцова по прагмалінгвістическому.

Теоретическе насліддя Г. Г. Почепцова в сфері синтаксическої семантики спосібствує швидкому розвитку в останнє десятиліття в нашої країни нового напрямку – історическої когнітивістики, в частині, концептології, на матеріалі англійської мови [12; 2].

Не менше знаковим являється звернення вченого к імплікації, яка на базі інференційного походу к комунікації розуміється як «неявне суждення не-пресупозиційного типу, з необхідністю витікаючє з основного суждення речення» [6, с. 428]. Імплікація, трактуєма вченим в основному в семантическому плані в термінах істинне / ложне, пізніше отримала всебічне освітлення в когнітивно-прагматическому ракурсі на матеріалі німецької мови (роботи Л. Р. Безуглої і її учнів [1]) і російської мови – з урахуванням бахтинської теорії мовних жанрів (В. В. Дем'янов і його школа [5]).

Одним з перших в вітчизняній науці Г. Г. Почепцов звертається к проксемиці (описанню відстаней між спізуючими) і к прагмапроксемиці [6, с. 541–545], які сьогодні входять в число базових понять сучасних теорій невербальної комунікації [8; 9].

Сумуючи, можна з впевненістю сказати, що вчення професора Г. Г. Почепцова в області прагмалінгвістики, синтаксису, семантики, історії англійської мови було і залишається базою для всіх когнітивно-комунікативних студій в Україні, слугує об'єднуючим ланкою для окремих наукових шкіл і відкриває перспективи пошуку нових підходів в прагматическому і дискурсіології. Творческе насліддя Георгія Георгієвича Почепцова не втрачує своєї актуальності і ще довго буде слугувати істочником ідей для сучасних досліджень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі : Монографія. – Х. : Вид ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. – 332 с.
2. Бондаренко Є.В. Еволюція поняття часу в англійській мові та у дискурсі : автореф. дис. ... докт. філол. наук : спец. 10.02.04 / Бондаренко Євгенія Валеріївна. – Х., 2012. – 36 с.

3. Буніятова І.Р. Еволюція гіпотаксису в германських мовах (IV – XIII ст.) : Монографія. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2003. – 327 с.
4. Васько Р.В. Лінійна синтагматика кінцем у консонантних групах готської мови автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / Васько Роман Володимирович. – К., 1997. – 20 с.
5. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры : Монография. – Саратов : Изд-во СГУ, 2000. – 248 с.
6. Почепцов Г.Г. Избранные труды по лингвистике : Монография / Сост., общ. ред. и вступ. статья И.С. Шевченко. – Х. : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2009. – 556 с.
7. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. — К. : Вища школа, 1986. — 116 с.
8. Серякова И.И. Невербальный знак коммуникации в англоязычных дискурсивных практиках : Монография. – К. : Изд. центр КНЛУ, 2012. – 280 с.
9. Солощук Л.В. Взаємодія вербальних і невербальних компонентів комунікації у сучасному англomовному дискурсі : дис. ... д-ра філол. наук : спец. 10.02.04 / Людмила Василівна Солощук. – К., 2009. – 469 с.
10. Чхетиани Т.Д. Лингвистические аспекты фатической метакommunikации (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Чхетиани Тамара Дмитриевна. – К., 1987. – 18 с.
11. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения : английское вопросительное предложение 16 – 20 вв. : Монография. – Х. : Константа, 1998. – 168 с.
12. Шевченко И.С. Историческое развитие концептов этики: концепт ГРЕХ в английской лингвокультуре /И.С. Шевченко, О.В. Ваховская // Современные подходы к изучению единиц языка и речи и вопросы лингводидактики»: Сб. научн. трудов памяти д.ф.н., проф. Н.А. Кобриной. – Белгород : 2012. – С.122 – 126.